

Глава 5. Невесомый юноша

Суйфэн стоял в отдалении, прижимая к груди меч. Его руки и ноги словно налились свинцом. Ему давно следовало понять: такие люди не для него, они никогда ему не будут принадлежать. Он всего лишь слуга, тень за плечом молодого господина. Ему велели охранять долину, и, быть может, суждено провести здесь всю жизнь. У входа в ущелье завывал ветер, с сухим треском терзая полы его одеяния.

Чжао Бучжи, направляясь к повозке, вдруг обернулся:

— Суйфэн, возвращаемся в столицу. Вместе.

Суйфэн замер, решив, что ослышался. Но суровый, твердый голос повторил:

— Мне нужно повторить дважды?

Охваченный внезапной радостью, страж поспешил следом.

«Юность всегда излишне порывиста и влюбчива», — подумал Чжао Бучжи, едва заметно качнув головой.

Всю дорогу, несмотря на бесконечную тряску, Сюй Нуо сидел тихо, не проронив ни звука. Он неотрывно смотрел на Чжао Бучжи чистым и прозрачным, точно родниковая вода, взглядом. В этот момент тоска по Чжао Тяньи захлестнула его душу, неудержимая и безжалостная, словно осенний паводок.

Тем временем Чжао Бучжи пытался разгадать тайну своего попутчика. Юноша держался отстраненно, но в каждом его движении сквозило благородство и изящество. Провести целые сутки в тряской повозке и ни разу не пожаловаться — на такое способен не каждый. Сюй Нуо за все время не издал ни звука, лишь когда его увозили из долины, в его взгляде на миг отразилось недоумение. Теперь же его лицо оставалось безучастным, а во взгляде появился холодный блеск полированного стекла.

Чжао Бучжи не мог верить собственным глазам: этот холодный юноша и тот, кто еще недавно отчаянно прижимался к его груди, — один и тот же человек. Невероятный, ни на кого не похожий чужак.

Тонкие лучи солнца пробивались сквозь узоры занавесок, ложась на бледную кожу юноши. Сквозь эту почти прозрачную белизну проступали едва заметные голубоватые жилки. Мягкий контур его лица казался очерченным золотом, а во всем облике читалась абсолютная отрешенность от мирских забот.

Чжао Бучжи протянул руку, чтобы заслонить глаза от резкого света. Тень от его пальцев легла

на алебастровую щеку Сюй Нуо, и тут Великого наставника осенило. Вот что казалось ему странным все это время.

У этого юноши не было собственной тени.

Сюй Нуо приоткрыл глаза и с немим вопросом посмотрел на Чжао Бучжи.

Три года назад, очнувшись после забытья, он обнаружил себя в безлюдном ущелье, стиснутом со всех сторон неприступными горами. Полная, глухая изоляция.

Лишь когда Сюй Нуо осознал, что может беспрепятственно перемещаться в пространстве, не скованный рамками плоти, к нему пришло окончательное понимание: он мертв. Ни душе его, ни разуму больше не суждено вернуться в прежний мир. Можно ли теперь назвать его человеком? Вряд ли. Лишь бесплотный дух, не знающий своего пристанища, безвольно плывущий по воле ветра.

Но однажды ветер утих. Сюй Нуо обрел приют в долине Яохуа, где круглый год царила весна, а в небесах не было слышно птичьих голосов. Лишь маленький белый лис Сяо Бай изо дня в день делил с ним одиночество, вместе провожая закаты и встречая рассветы.

О том, что случилось с Чжао Тяньи, он думать не смел. Каждое воспоминание отзывалось невыносимой болью, лекарства от которой не существовало. Потеряв человеческий облик, он каким-то чудом сохранил способность чувствовать, и это бессилие перед собственными эмоциями ввергало его в еще большее уныние.

Сюй Нуо казалось, что смерть приносит избавление от мыслей и страданий, но судьба рассудила иначе, вновь столкнув его с прошлым.

Шумный, сияющий огнями двадцать первый век теперь казался лишь мимолетным видением. Глядя на бескрайнее чужое небо, он порой сомневался: существовал ли тот мир на самом деле? Действительно ли он любил человека по имени Чжао Тяньи? И принадлежало ли ему то безжизненное, окровавленное тело на заднем сиденье автомобиля?

Проведя три года в безмолвном ущелье, он уверовал, что его мятежная душа наконец обрела покой. Но стоило ему увидеть Чжао Бучжи, как иллюзия рассыпалась в прах.

Разве можно в один миг отпустить любовь, возвращенную целым десятилетием? Пусть перед самой смертью он и бросил ему в лицо жестокие слова, сердце все равно отказывалось подчиняться разуму. Когда Сюй Нуо приник к плечу Чжао Бучжи, он отчетливо ощутил, как тот вздрогнул от изумления.

«Это Чжао Тяньи. Тот самый, кого я любил десять лет», — отчаянно лгал себе Сюй Нуо. Если все происходящее лишь сон, он согласен никогда не просыпаться.

Даже среди вечного лета долины Яохуа его призрачное тело оставалось ледяным. Но этот человек дышал живым, манящим теплом, и Сюй Нуо не находил в себе сил отстраниться.

«Должно быть, я слишком долго был один и просто сошел с ума от одиночества», — шептал он самому себе.

— Желаешь ли ты уйти со мной? — спросил тогда Чжао Бучжи, лукаво прищурившись. В его взгляде сквозила холодная расчетливость.

«Да, — мысленно ответил Сюй Нуо. — В прошлой жизни нам не суждено было быть вместе. Если в этой судьба дает нам шанс, я пойду за тобой хоть на край света».

Его новый спутник носил дорогие одежды, держался с властным величием и притягивал к себе взор. Однако его улыбка никогда не отражалась во взгляде — за ней скрывались тайные помыслы и холодный расчет.

Впрочем, даже если этот человек не был его возлюбленным из прошлого, это не имело значения. Главное — лицо, до боли похожее на лицо Чжао Тяньи. И та же темная, расчетливая бездна в самой глубине души.

Если бы нужно было описать Чжао Тяньи одним словом, этим словом стал бы эгоизм. И все же Сюй Нуо любил его. Любил без остатка и без капли сожаления. Не спрашивайте почему — разве для любви нужны причины?

Десять лет мучительной привязанности и три года беспросветного ожидания... Прильнув к плечу Чжао Бучжи, он вдруг осознал, насколько смертельно устал. Ему просто хотелось тепла, хотелось забыться. Раз уж не суждено быть с тем, кого выбрало сердце, то какая разница, кто станет его пристанищем?

Всю дорогу Сюй Нуо старательно избегал испытующего взгляда напротив. Чжао Бучжи, похоже, и не думал разуверять его в том, что его приняли за другого. Что ж, тем лучше — это давало юноше предлог остаться рядом.

Повозка стремительно неслась по официальному тракту. Сюй Нуо сидел, тесно прижавшись к плечу мужчины, в котором упорно хотел видеть своего Чжао Тяньи. От Чжао Бучжи исходил едва уловимый аромат сандала. Окутанный этим мягким запахом, Сюй Нуо, не спавший долгие три года, внезапно почувствовал, как слипаются веки. Он был словно хрупкий челн, нашедший после долгих скитаний тихую гавань. Его истерзанная душа блуждала слишком долго — пришло время отдохнуть. Глаза юноши медленно закрылись.

Ему снилось прошлое: обрывки воспоминаний о десяти годах, проведенных с Тяньи. Снилось чужая роскошная свадьба и он сам — истекающий кровью, умирающий в разбитой машине. Снились вспышки праздничного салюта в ночном небе и тоскливое одиночество бесплотного духа, заброшенного в чужой, неведомый мир...

Чжао Бучжи мягко посмотрел на юношу. Убедившись, что тот действительно уснул, он принялся неторопливо разглядывать его лицо. Нездоровая бледность кожи выдавала крайнюю слабость, словно Сюй Нуо потерял слишком много крови. Но его черты оставались безмятежными, лишёнными мирской суеты, а в закрытых глазах, казалось, все еще таилась та кристальная глубина, способная обнажить любые чужие тайны.

Но больше всего Великого наставника занимало его боевое искусство. Мастерство легкости этого юноши переходило любые мыслимые границы. Сюй Нуо мог неподвижно парить над землей, а его движения были столь стремительны, что он в мгновение ока преодолевал расстояние в несколько чжанов. Да и тень его под солнечными лучами казалась прозрачной, едва различимой дымкой...

Если бы не слабое, едва ощутимое дыхание, Чжао Бучжи счел бы его небожителем, сошедшим на землю. Сон юноши был тревожным: его ресницы подрагивали, точно крылья раненой бабочки, готовой взлететь от малейшего шороха.

В этот момент снаружи донесся торопливый топот копыт и шаги. Чжао Бучжи привычным жестом коснулся сонной точки на шее Сюй Нуо, заставляя его погрузиться в глубокий сон. Спустя мгновение он в недоумении уставился на собственные пальцы. Это движение было неосознанным и пугающе нежным. Первая мысль, мелькнувшая у него в голове перед тем, как усыпить юношу, была вовсе не о тайне государственной важности, которую тот мог подслушать. Чжао Бучжи просто испугался, что резкие звуки потревожат его покой. С каких это пор он стал проявлять подобную заботу?

— Господин! — раздался за стеной повозки голос Суйфэна. — К нам гонец из поместья.

Чжао Бучжи нахмурился:

— Узнай, что стряслось.

Неужели старик опять натворил делов?

Суйфэн выслушал прибывшего слугу и, помедлив в нерешительности, негромко доложил:

— Наш старый господин... его побили в Тереме Сотни Цветов.

Ну разумеется. Этот старый вздорник не мог прожить и дня без происшествий.

Чжао Бучжи сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Его лицо потемнело от гнева.

— Кто посмел? — ледяным тоном спросил он.

— Ян Шэн, сын министра Яна.

— Понятно. Успеем добраться до усадьбы к закату?

— На следующей почтовой станции сменим лошадей. Должны успеть.

— Хорошо.

Чжао Бучжи потер виски, стараясь успокоить бьющуюся на лбу жилку. На людях он всегда оставался бесстрастным и холодным, но старый негодяй из собственного дома умел довести его до белого каления парой слов. Старику пошел седьмой десяток, а он все не вылезал из борделей! Сама по себе тяга к доступным женщинам не была грехом, но упорство, с которым старик предавался этому пороку последние двадцать лет, переходило все границы. Чжао Бучжи до сих пор радовался лишь тому, что в столице не судачили о его сомнительном происхождении. В противном случае он бы лично шкуру спустил с этого старого безумца. Но как бы Чжао Бучжи ни злился, за двадцать лет совместной жизни он привык заботиться о нем. Обида обидой, а бросить старика на произвол судьбы он не мог.

Когда на станции повозку запрягли свежими лошадьми, Чжао Бучжи все же не выдержал и спросил у стража:

— Старик сильно пострадал?

«Если этот щенок Ян Шэн действительно покалечил отца, я сотру его в порошок», — мрачно подумал Великий наставник.

— Э-э... На лице пара царапин, в остальном цел, — ответил Суйфэн. Заметив, что напряжение на лице господина спало, он поспешил добавить: — А вот молодому господину Яну старый хозяин сломал ногу.

Чжао Бучжи молча поднялся в повозку, бережно неся на руках спящего Сюй Нуо. Лишь когда он скрылся за занавеской, его лицо перекосило от бешенства.

«Чжао Куан... Старый ты черт. Прекрасно. Просто великолепно!»

Суйфэн, сидевший на козлах, отчетливо услышал донесшийся из кареты скрежет зубов. По спине стража пробежал ледяной пот.

«Старый хозяин, да пребудут с вами боги. На этот раз вам понадобится вся ваша удача».